

Владимир Дмитриевич Алейников родился в 1946 году в городе Перми. Окончил искусствоведческое отделение исторического факультета Московского государственного университета. Поэт, прозаик, переводчик, художник. Основатель и лидер литературного сообщества СМОГ. Автор многих книг поэзии и мемуарной прозы. Лауреат ряда литературных премий, в том числе им. А. Белого, им. Д. Бурлюка, Бунинской премии и др. Член Союза писателей Москвы, ПЕН-клуба. Живет в Москве.

Владимир Алейников

НАДЕЖДА НА ЧУДО

* * *

В отраженных толпясь лучах,
Начинает листва кружиться —
И огонь разожгли в печах,
И с печалью никак не сжиться.

Ну а после — тоска заест,
Одолеет хандра глухая,
Коль не видишь садов окрест,
Что шумят, ввечеру стихая.

Если выйдешь во двор пустой,
Постоишь, отходя невольно
От всего, в чем силен настой
Дней — таких, что и вспомнить больно,

То поймешь, почему ты здесь
Оказался — и в чем защита,
Чтобы ты встрепенулся весь,
Точно все пред тобой открыто, —

И услышишь сквозь гул впотьмах,
Сквозь туман, заходящий с моря,
Некий голос — и свет в домах
Загорится, напеву вторя,

И звучанье сплошное, в рост
На руинах бывшего лета
Поднимаясь, дойдет до звезд —
И вдали отзовется где-то.

* * *

Чуть к вечеру — откуда-то извне,
Из прихоти прохладный ветер веет,
И рядом, и поодаль, в стороне,
Где облако неясное немеет.

Какая-то растерзанная мгла,
Мохрясь, сгуститься делает попытки —
И тополя цыганская игла
Удерживает рвущиеся нитки.

И скомкано заката полотно,
И тащат неразборчиво пичуги
Кто — к западу ползущее пятно,
Кто — узелок, тускнеющий на юге.

И где-то там, где время назревать
Подпочвенному смутному брожению,
Распластанная листовенная рать
В нежданное включается движенье.

И тянется туда, где степь вот-вот
Ворвется в закипающее море,
Все то, что не случайностью живет
И в слове будет выражено вскоре.

* * *

Горловой, суматошный захлеб
Перед светом, во имя полета —
И звучащие вскользь, а не в лоб,
Хрящеватые, хищные ноты.

Столько цепкости в свисте сплошном!
Льготы вырваны клювами в мире —
И когтистая трель за окном,
Подобрев, растекается шире.

Сколь же любви мне эта вот блажь,
Эта, гибель презревшая, хватка,
Эта удадь, входящая в раж,
Хоть приходится в жизни несладко.

Пусть сумбурен пичужий вокал —
Но по-своему все-таки слажен,
Потому что жестокий закал,
Как ни фыркай, конечно же, важен.

И не скажешь никак, что отвык
От захлестов капризных и ахов,
Потому что вселенский язык
Полон вздохов невольных и взмахов.

Мне сказать бы о том, что люблю
Этих истин обильные вести,
Но, заслушавшись, просто не сплю —
А пернатые в силе, к их чести.

* * *

Стрижи, и мальвы, и дожди,
Благословение и рвенье,
И ты, поющее мгновенье, —
Побудь со мной, не уходи,

Не отступайся ни на шаг
От этих полнящих округу
Подспудных заповедей Юга,
Забывших нег, невольных благ,

От этих токов и высот,
Уже пульсирующих всюду,
Где въявь надежда есть на чудо,
Что нас, живущих, и спасет.

* * *

Не хмуры, нет — но иззелена-сизы
Над горстью крыш деревья за рекой.
Тропа стремглав с горы сбегает книзу —
И кажется обманчивым покой.

Подумай сам — дождемся ли покоя,
Покуда влагой все напоено —
И новый дождь незримою рукою
Из-за ограды тянется в окно?

Лиловы флоксы. Хризантемы рядом
Сиреневы и прозрачно-белы.
В единстве все. И все-таки разладом
Пронизаны разбухшие стволы.

Ах, видно, лету хочется остаться,
Еще немного в мире погостить,
Что было сил с живущими обняться,
В любви признаться и грехи простить

Но близится черта неотвратимо,
Куда ему идти запрещено —
И резкость эта слишком ощутима,
Хотя людьми испытана давно.

И шапки-невидимки не снимая,
Там, вдалеке, где мглы клубится вал,
Маячит осень, тоже понимая,
Что час ее пока что не настал.

* * *

Неспешный дождик быстро смыл жару,
И ветерок пришелся ко двору.
Кричит петух истощней, чем всегда,
И влажные обвисли провода.

И воздуха прохладного струя
К расплавленному вару бытия
Невольно примешалась — и теперь
Спокойный свет в распахнутую дверь

Неслышно входит — и за ним вослед,
Желанный гость, плывет зеленый цвет,
С изогнутой свисающий лозы
На фоне просветленной бирюзы.

И сызмала мне любо за листвою,
За летом — вдруг угадывать живой
И выстраданный мир земных чудес,
Где смысл стоит с копьем наперевес.

* * *

Я лето свое упускать не хотел,
Наверстывал все, что забросил, —
И ветер бывалый сквозь листья летел
Со взмахами крыльев и весел.

Вверху облака собирались гуртом,
Клубились дожди табунами —
А море заботилось только о том,
Чтоб гребни вздымать над волнами.

Когда бы пространством не наполнилась грудь
И уст не касалась свобода,
В наперсток вместилась бы зрелости суть —
Погуще лежалого меда.

И с норовом все-таки выдался год,
Летающий над бездною смуты, —
Овечий иль козий, но вынес — и вот
К душе прикипел почему-то.

Кыпчакская хватка и скифская блажь,
Славянская жгучая сила
Срослись — и так просто уже не отдашь
Того, что действительно было.

В крови остается на все времена
Звучащее сызнова слово —
И ветер летит, разбросав семена
Издравле идущего зова.